На правах рукописи

Казаковцева Ольга Сергеевна

РАСПОЛОЖЕНИЕ КОМПОНЕНТОВ АТРИБУТИВНОГО СЛОВОСОЧЕТАНИЯ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XI–XIII ВЕКОВ

(на материале текстов эпистолярного жанра и древнерусского красноречия)

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Вологда
2019

Работа выполнена на кафедре русского языка Института филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Петрозаводский государственный университет».

Научный руководитель: **Наталья Викторовна Патроева**, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка Института филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Петрозаводский государственный университет», заведующий кафедрой.

Официальные оппоненты: **Акимова Эльвира Николаевна**, доктор филологических наук, доцент, кафедра русской словесности и межкультурной коммуникации Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», профессор;

Петров Андрей Васильевич, доктор филологических наук, доцент, кафедра русского языка и речевой культуры Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова», доцент.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет».

Защита состоится «27» февраля 2020 года в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 999.014.03 на базе ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет» по адресу: г. Вологда, пр. Победы, 37, ауд. 71.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке (г. Вологда, ул. Галкинская, д. 1) и на сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский государственный университет» (https://vogu35.ru/nauka/sovety/dissertatsionnyj-sovet-d-999-014-03/zashchita-dissertatsij-d-999-014-03)

Автореферат разослан_____ 2020 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент Л. Ю. Зорина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проблема порядка слов справедливо считается одной из сложнейших в лингвистике и требующей обширного исследования в сравнительно-историческом и типологическом аспектах с привлечением большого объема материала многих языков на разных этапах их развития.

Вопрос о реконструкции порядка слов в праиндоевропейском языке, о порядке расположения членов предложения в языках индоевропейской семьи, в том числе и в славянских языках, активно обсуждался в XX столетии. Например, предпринимались попытки связать локализацию глагола-сказуемого и дополнения с размещением иных компонентов предложения (К. Бругман, Б. Дельбрюк, Дж. Гринберг, Ю. Степанов, К. Г. Красухин и др.), однако исследователями был сделан вывод о необходимости обследования большего количества языкового материала на предмет выявления в нем четких параметров порядка слов и факторов, влияющих на словорасположение в широкой диахронической перспективе.

Порядок слов в текстах, написанных на старославянском языке (в том числе в его восточнославянской редакции, или изводе), системному описанию не подвергался, как не анализировалось в сравнительном плане и становление литературной нормы словорасположения в истории русского языка в ее взаимодействии с церковнославянскими образцами. Вопрос о расположении определения в атрибутивном словосочетании на материале памятников письменности Древней и Старой Руси, таким образом, еще ждет своего решения в сопоставительном и типологическом, общем и частном, синхронном и диахроническом, структурном и функционально-семантическом аспектах.

По мнению В. Н. Ярцевой, начинать анализировать грамматический уровень языка (в том числе и в аспекте словопорядка) лучше всего со словосочетания: «Если при сравнении двух (или нескольких) языков исходить не из универсальных логико-семантических категорий, а начинать анализ микросистем, в которых наличествуют синтаксические отношения, обнаруживаемые во всех языках, то к таковым, например, относятся атрибутивные отношения со всеми своими семантическими подразделениями. <…>. Для того, чтобы руководствоваться при отборе конструкций структурными показателями с их последующим семантическим анализом, удобно использовать линейные свойства языка и, следовательно, выделить минимальные пары, основанные на принципе позиции члена словосочетания» [Ярцева 1981].

Актуальность работы обусловлена тем, что в современной историко-синтаксической науке не существует пока полного, комплексного и разноаспектного описания всей системы факторов, оказывавших влияние на расположение элементов в группе «определение – определяемое», в памятниках древнерусской эпохи. Необходимость подобного описания диктуется и неоднократно уже высказывавшимся в научной литературе требованием полномасштабного описания всех древне- и старорусских источников в грамматическом и

стилистическом планах, которое позволило бы в конечном итоге не только уточнить сам предмет исторического синтаксиса, но и в более либо менее отдаленном будущем создать обобщающие труды по исторической грамматике и исторической стилистике русского языка, в которых описание тех или иных морфологических либо синтаксических явлений сопровождалось бы выявлением тенденций и интерпретацией разнообразных факторов, обусловливающих функционирование, активизацию или, напротив, исчезновение этих феноменов на каком-либо историческом промежутке языковой эволюции.

Объектом исследования в диссертации является порядок слов в атрибутивных словосочетаниях. **Предмет исследования** – атрибутивные словосочетания в древнерусских текстах XI−XIII веков.

Источниками языкового материала для исследования служат тексты древнерусского красноречия XI−XIII вв. (поучения Феодосия Печерского: «Слово о терпении, любви и посте», «Поучение о терпении и смирении», «Слово утешительное к братии душевной о пользе», «Поучение келарю»; «Поучения о простой чади»: «Поучение Моисея о чрезмерном излишестве», «Слово Моисея о присягах и клятвах», «Слово мудрого епископа Белгородского»; слова и поучения Кирилла Туровского: «Притча о человеческой душе и теле», «Слово о снятии тела Христова с креста», «Слово о белоризцах и монашестве», «Слово на Вербное воскресенье», «Слово о расслабленном»; «Слова и поучения Серапиона Владимирского»; «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона) и тексты эпистолярного жанра XI−XIII вв. («Послание Климента, митрополита русского, написанное к смоленскому пресвитеру Фоме, истолкованное монахом Афанасием», «Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу», «Послание о повинных» Даниила Юрьевского, два послания Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу: «О вере христианской и о латинской» и «О неделе»). Выбор источников для анализа аргументирован желанием охватить разные по жанровой принадлежности памятники, не описанные еще подробно с точки зрения порядка следования элементов атрибутивной конструкции. Древнерусские тексты извлекались для изучения из следующих изданий: «Библиотека литературы Древней Руси» под редакцией Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко (Т. 1. СПб., 1997, Т. 4. СПб., 1997, Т. 5. СПб., 2005); «Литературное наследие Феодосия Печерского», подготовленное к изданию И. П. Ереминым (Труды Отдела древнерусской литературы / ред. В. П. Адрианова-Перетц. Т.5. М.; Л., 1947); «Эпистолярное наследие Древней Руси: исследования, тексты, переводы» Н. В. Понырко (СПб., 1992).

Цель исследования – выявить особенности и принципы расположения компонентов атрибутивных словосочетаний в древнерусских памятниках XI−XIII веков.

Задачи исследования:

1. обобщить научные представления о природе атрибутивных словосочетаний;

2. извлечь из текстов и классифицировать атрибутивные словосочетания;
3. проанализировать морфологическое выражение атрибута;
4. определить процентное соотношение препозитивных и постпозитивных конструкций;
5. охарактеризовать особенности расположения компонентов атрибутивного словосочетания в анализируемых текстах;
6. выявить факторы, влияющие на расположение компонентов атрибутивного ряда;
7. определить наметившиеся уже в ранний период становления русского литературного языка тенденции формирования норм и свойства порядка расположения компонентов в сфере словосочетаний с присловным зависимым элементом в определительном значении (атрибутом).

Гипотеза исследования заключается в том, порядок расположения компонентов атрибутивного ряда в древнерусских памятниках XI–XIII веков является жанрово-стилистически обусловленным; процент препозиции атрибута тем ниже, чем выше регистр текста.

Теоретической основой диссертационного исследования являются труды известных лингвистов, занимающихся историческим синтаксисом и теорией словосочетания: В. И. Борковский, Ф. И. Буслаев, Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов, А. Х. Востоков, Н. И. Греч, В. М. Живов, О. А. Лаптева, С. П. Обнорский, А. Г. Руднев, В. З. Санников, И. И. Срезневский, З. К. Тарланов, А. А. Шахматов и др., а также работы исследователей, изучающих язык древнерусских текстов, в частности поучений и посланий: И. П. Еремин, В. В. Колесов, Д. С. Лихачев, А. М. Молдован, Н. В. Понырко, О. В. Творогов и др.

Научная новизна работы состоит в том, что:

1. впервые описаны и сопоставлены между собой атрибутивные словосочетания в указанных разножанровых источниках древнерусской эпохи (поучениях и посланиях), не подвергавшихся до сих пор комплексному синтаксическому анализу, в том числе на уровне словосочетания;
2. проверены как упоминавшиеся в научной литературе в качестве общепринятых, так и еще не подтвержденные на большом материале факторы, влияющие на расположение атрибута, на примере данных памятников раннего периода в развитии русской словесности;
3. выявлены тенденции в области порядка расположения компонентов в группе «определение – определяемое» в зависимости от типа структуры, морфологического и лексико-семантического ее наполнения, а также в аспекте функционально-стилистическом.

До сих пор «исторический синтаксис остается малоизученной областью, не готовой по многим параметрам к обобщающей трактовке» [Живов 2017], хотя именно синтаксическое

устройство обусловливает, наряду с лексикой, стилистически-языковое и жанровое своеобразие памятников.

Теоретическая значимость данной работы заключается в том, что результаты исследования расширяют существующие научные представления о структуре и функционировании атрибутивных словосочетаний в текстах XI–XIII вв., эволюции норм словопорядка, уточняют основные тенденции в области дистрибуции членов предложения на материале оригинальных разножанровых памятников той эпохи, а значит, и направления эволюционных процессов в синтаксической системе древнерусского языка в целом.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования результатов исследования в лекционных курсах и на семинарских занятиях по исторической грамматике, исторической стилистике русского языка, при подготовке учебно-методической литературы по историческому синтаксису, а также созданием электронной базы данных, демонстрирующей тенденции в расположении компонентов атрибутивных словосочетаний.

В процессе работы над диссертационным исследованием использовались общенаучные эмпирические (наблюдение, сравнение, описание) и теоретические **методы** исследования (ознакомление с материалом, выдвижение гипотезы, оценка основательности предположения, проверка гипотезы), общелогические методы и конкретизирующие их приёмы (индукция и дедукция, анализ и синтез, обобщение, аналогия, системный и структурный подходы). Также в ходе работы были применены описательный, структурно-грамматический, сопоставительно-типологический, сравнительно-исторический и статистический методы. Для проведения количественного анализа языкового материала использовался метод сплошной выборки.

В ходе исследования были извлечены 2366 атрибутивных конструкций, в том числе 30 словосочетаний с несогласованным (управляемым) атрибутом и 133 полупредикативные атрибутивные конструкции. Анализу подвергались согласованные определения с атрибутом, выраженным именем прилагательным, местоимением, порядковым именем числительным, причастием и именем существительным. Помимо согласованных атрибутов, в сопоставительном плане были привлечены и примыкающие посессивные определения, выраженные местоимениями *его, ее, их*. Несогласованные атрибуты, представленные существительным в косвенном падеже с предлогом и без предлога, были отобраны в качестве иллюстративного фона, но к разноаспектному анализу не привлекались в силу низкой своей активности и безвариативного типа расположения в рассматриваемых текстах (исключительная постпозиция).

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализируемые памятники относятся к книжным регистрам, сформировавшимся в результате интерференции церковнославянского (старославянского восточнославянской редакции) и восточнославянского материала, функционировавшего в период

восточнославянского средневековья. Синтаксические особенности, в том числе порядок расположения согласованных атрибутивных компонентов, свидетельствуют о том, что тексты ораторского жанра (поучения, «слова») и эпистолярии принадлежат к близким по своей языковой организации и стилистическим особенностям регистрам, хотя и несколько отличающимся степенью «книжности» («высокости») выражения; обе жанровые группы памятников демонстрируют черты старославянского лексического и грамматического строя.

2. Препозиция определения в двухкомпонентных и многокомпонентных атрибутивных словосочетаниях преобладает над постпозицией во всех анализируемых нами текстах. При этом наиболее употребительной формой определения является местоименная форма имени прилагательного. Нечленные адъективные формы качественных и относительных прилагательных в текстах посланий тяготеют к размещению перед определяемым словом (69 % случаев), тогда как в текстах поучений данные формы доминируют в постпозиции (53 % репрезентаций).
3. Словорасположение компонентов атрибутивного ряда зависит от морфологического выражения определяющего слова (а для прилагательных и местоимений – выявляется также зависимость локализации от лексико-грамматического разряда).
4. Положение атрибута, выраженного притяжательным прилагательным, указательным и притяжательным местоимениями, зависело от одушевленности / неодушевленности определяемого слова: при одушевленном существительном такие определения стремились к постпозиции.
5. В предложных атрибутивных словосочетаниях определение, выраженное качественным и относительным прилагательным, а также определительным местоимением, тяготело к препозитивному положению.
6. Конструкции, представленные традиционными устойчивыми словосочетаниями с сакральным значением, в большинстве своем, имеют закрепленное положение атрибута, то есть характеризуются постоянством не только лексического состава, но и синтаксической структуры.
7. Наиболее распространенные семантические группы определяемого существительного в текстах поучений и посланий − «названия лиц в сфере богослужения» и «предметы, связанные с богослужением». Самая употребительная семантическая группа прилагательных − «общественно-государственная сфера; религия».
8. Локализация атрибутов широко используется в текстах поучений и посланий как средство усиления выразительности речи.

Достоверность результатов работы обеспечена использованием теоретических и эмпирических методов, выбранных с учетом цели и задач исследования; проведением

комплексного анализа полученного материала, извлеченного путем сплошной выборки, а также обсуждением результатов исследования на конференциях и семинарах разного уровня.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования обсуждались на следующих конференциях: 1. Всероссийская научно-практическая конференция «VIII Камские чтения» (Набережные Челны, 2016); 2. Международная научная конференция «Молодые исследователи – регионам» (Вологда, 2016)»; 3. 69-я Всероссийская (с международным участием) научная конференция обучающихся и молодых ученых ПетрГУ (Петрозаводск, 2017); 4. XXIV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2017); 5. Международная научная конференция «Грамматические исследования поэтического текста» (Петрозаводск, 2017); 6. XXV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2018); 7. 70-я Всероссийская (с международным участием) научная конференция обучающихся и молодых ученых ПетрГУ (Петрозаводск, 2018); 8. Всероссийская научная конференция «Естественнонаучные методы в цифровой гуманитарной сфере» (Пермь, 2018); 9. 71-я Всероссийская (с международным участием) научная конференция обучающихся и молодых ученых ПетрГУ (Петрозаводск, 2019). Результаты работы отражены в десяти публикациях, четыре из которых напечатаны в изданиях из списка ВАК РФ.

Структура работы. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка использованной литературы, включающего 222 источника, и списка таблиц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяется научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, устанавливается объект и предмет исследования, формулируются его цели, задачи и методологическая основа, представляются сведения об источниках исследования и апробации работы.

Первая глава «Атрибутивные словосочетания в языке памятников древнерусской письменности», состоящая из четырех разделов, посвящена истории изучения атрибутивного словосочетания.

В **разделе 1.1. «Понятие атрибутивного словосочетания. Способы выражения атрибута в книжном языке Древней Руси»** определяется понятие словосочетания в русской грамматике. В работе мы придерживаемся узкой трактовки словосочетания, определяя его как сочетание двух и более знаменательных слов на основе подчинительной связи. По нашему мнению, словосочетание является самостоятельной синтаксической единицей, выполняющей номинативную функцию и вне предложения, поэтому считаем возможным рассматривать на

уровне словосочетания его состав, описывать лексико-морфологические свойства и семантику его компонентов как особого грамматического феномена. В настоящей работе нас будут интересовать только атрибутивные словосочетания (атрибутивные конструкции), связанные «атрибутивными отношениями, то есть отношениями качества, количества или обладания» [Синкевич 2010].

Также в данном разделе рассматривается вопрос о способах выражения атрибута в памятниках древнерусского периода (в нашей работе мы придерживаемся узкого понимания термина «атрибут», используя его «для обозначения второстепенного члена предложения, наряду с термином “определение”» [Касаткин 1995]). Многие исследователи сходятся во мнении, что перечень частей речи, выступающих в роли согласованного определения, не отличается от современного русского языка. Как и в настоящее время, это могли быть прилагательные, причастия, порядковые числительные и местоимения. Однако в древнерусском языке в атрибутивной функции наблюдается наряду с полными (членными) формами использование и кратких (нечленных) форм имен прилагательных и причастий.

Атрибутивные словосочетания как в современном русском, так и в древнерусском языке могли носить устойчивый характер. Сам термин «устойчивое сочетание» широко используется в лингвистической науке**.** В нашем исследовании мы, вслед за О. В. Твороговым, будем использовать термин «традиционные устойчивые словосочетания», которые, по мнению С. Р. Зайнуллиной имеют следующие признаки: «закрепленность в исторических словарях; значительная степень употребительности / частотности; композиционная обусловленность» [Зайнуллина 2015].

В **разделе 1.2. «Язык древнерусских памятников в аспекте расположения атрибута: из истории вопроса»** представлены различные концепции, касающиеся языковой ситуации в Древней Руси: А. А. Шахматова, С. П. Обнорского, Н. Н. Дурново, В. В. Виноградова, Б. А. Успенского, В. В. Виноградова и др., и производится обзор научной литературы, освещающей проблему расположения компонентов в древнерусском атрибутивном словосочетании. Анализируемые в настоящей работе произведения древнерусской литературы относятся к церковно-книжному типу памятников, или книжному регистру, по мнению В. М. Живова.

Обзор работ по историческому синтаксису содержит разбор четырех сложившихся направлений в истории решения вопроса о порядке расположения атрибута: препозитивное или постпозитивное положение компонентов атрибутивного ряда определяется морфологическим принципом, т.е. зависимостью положения атрибута от его частеречной принадлежности (В. З. Санников, Э. Бернекер, А. А Уржумова); положение компонентов атрибутивного ряда обосновывается стилистическими целями автора, тем самым постпозиция атрибута используется для его логического выделения (И. В. Баданина, В. И. Борковский,

Л. А. Булаховский, Н. Ю. Гурьева, В. В. Данилов, Л. А. Коробчинская, С. П. Обнорский и М. А. Соколова); расположение компонентов субстантивно-атрибутивного словосочетания зависит от семантики его членов (В. Л. Георгиева, В. В. Колесов, О. А. Лаптева, А. Г. Руднев, З. К. Тарланов); порядок слов в атрибутивном словосочетании является «относительно свободным» (Ф. И. Буслаев, А. Мейе, В. П. Воробьёв).

В **разделе 1.3. «К принципам отбора материала: вопрос об атрибутивных конструкциях, выраженных причастными и субстантивными оборотами»** приводятся сведения об истории изучения полупредикативных конструкций в языке древней поры. Отсутствие строгой нормы словорасположения и рыхлость структуры древнерусского предложения не позволяют говорить о существовании в древнерусском синтаксисе сформированной категории обособления (см. труды главы Петрозаводской лингвистической школы З. К. Тарланова). Однако совсем обойти вниманием полупредикативные конструкции не представляется возможным, во-первых, по причине дискуссионности вопроса о наличии категории обособленных членов предложения в книжно-письменном языке Древней Руси, а во-вторых, в связи с возможностью расширенного понимания границ понятия «атрибут» некоторыми грамматистами (см. работы В. И. Чуглова, например). Кроме единичного случая, во всех рассмотренных нами конструкциях с причастным и субстантивным оборотом атрибут постпозитивен, например: *Фомѣ, просвитеру Смоленскому* (ПослКС, 118); *о всякомъ глаголѣ, исходящимь изъ уст Божии* (СлКТ, 146). Начавшееся в древнерусский период формирования категории обособления более заметно на примере конструкций с причастным оборотом при местоимении, так как сочетаемость данной части речи такова, что она не допускает присутствия обычного определения. Например: <…> *тя, повивающаго мъглою землю* (СтКТ, 164).

В **разделе 1.4.** первой главы приводятся краткие выводы, в частности, о том, что вопрос о порядке следования компонентов атрибутивных словосочетаний является дискуссионным на протяжении уже нескольких столетий. Выявление принципов, определяющих то или иное расположение атрибутивного словосочетания, требует привлечения большого количества материала, как на синхронном, так на диахроническом уровнях, а описание системы факторов, обусловливающих локализацию атрибута, должно быть разноаспектным и комплексным.

Во **второй главе «Структура и расположение компонентов атрибутивных словосочетаний в памятниках древнерусского красноречия XI−XIII вв.»**, состоящей из четырех разделов, описывается структура и расположение компонентов атрибутивных словосочетаний в древнерусских «словах» и поучениях XI−XIII вв.: поучения Феодосия Печерского, «Поучения о простой чади», слова и поучения Кирилла Туровского, «Слова и поучения Серапиона Владимирского», «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. Из анализируемых текстов была извлечена 1771 атрибутивная конструкция, в том числе 1576 (89 %) двучленных атрибутивных конструкций и 195 (11 %) − трехчленных (материал

исследования представлен в виде электронной базы данных, доступной на сервере http://92.63.104.247/#/colls).

В **первом разделе (2.1.) «Порядок слов в двухкомпонентных атрибутивных словосочетаниях»** описание конструкций производится по частеречной принадлежности атрибута (выделяются сочетания прилагательного, местоимения, порядкового числительного, причастия и приложения с определяемым словом). Отдельно выделяются сочетания формульного характера.

Для двучленных контактных атрибутивных конструкций с атрибутом, выраженным **качественным именем прилагательным** (в местоименной и именной форме), характерно положение перед определяемым словом (76 % препозиции – 24 % постпозиции): *славнаго пророка* (ПФП, 452), *добра риза* (СлКТ, 176), *блаженаго Серапиона* (СлСВ, 382). Однако, если проанализировать расположение краткой и полной формы прилагательного отдельно, то можно заметить преобладание в препозиции местоименных адъективов (80 % препозитивных полных форм), тогда как именные прилагательные тяготеют к постпозитивному положению (56 % − постпозитивных), что связываем с влиянием церковно-книжной традиции: *жрьтву чисту* (ПФП, 452), *пѣснь нову* (СлКТ, 146), *пиръ великъ* (СлИл, 30).

В предложных конструкциях атрибут тяготеет к препозитивному положению: (67 % препозиции), что подтверждают мнение Д. Ворта и Ф. Р. Минлоса о влиянии предлога на препозитивное положение атрибута [Worth 1985; Минлос 2008].

Особого внимания заслуживают традиционные устойчивые словосочетания (термин О. В. Творогова), занимающие в 98 % случаев препозитивное положение. Любопытно, что почти 80 % устойчивых словосочетаний связано с обозначением религиозных понятий, где самой распространенной лексемой является прилагательное *святыи*: *святаго крещения* (СлКТ, 192), *на святѣи трапезѣ* (ПФП, 286), *Святымъ Духомъ* (ППЧ, 290).

Анализ лексико-грамматических разрядов существительных, выступающих в роли определяемого слова в атрибутивных словосочетаниях, показал, что в пре- и постпозитивных конструкциях определяемое слово в подавляющем большинстве представлено конкретным именем существительным (79 % в препозиции, 91 % в постпозиции). Собственные имена существительные чаще, чем нарицательные находятся в препозитивном положении: 89 % препозитивных имен собственных, 73 % препозитивных нарицательных существительных. Среди нарицательных имен существительных 77 % − конкретные существительные, 23 % − абстрактные. Наиболее распространенные семантические группы абстрактных существительных − «вера, религия» (*въ вѣрѣ* (ПФП, 450; ППЧ, 284); *милость* (ПФП, 452); *въскресения* (СлКТ, 168) и «чувства, эмоциональные состояния, их проявления» (*страхъ* (ПФП, 440); *печалью* (152, СлКТ); *любовью* (380, СлСВ). Среди конкретных имен существительных самыми употребительными оказались группы «предметы, связанные с богослужением, с

культовыми обрядами» (*креста* (ПФП, 452); *купѣль* (СлКТ, 46) *иконъ* (СлИл, 60) и «названия лиц в сфере религии и культов» (*апостолъ* (ПФП, 448); *мнихъ* (ПФП, 448).

Самая распространенная (80 % в препозиции, 88 % в постпозиции) лексико-семантическая группа качественных прилагательных − «религия», что объясняется самим содержанием текстов, например, *от Духа Свята* (СлКТ, 200), *от Бога истинна* (СлИл, 58), *пресвятой Троицѣ* (ПФП, 448).

При одушевленном существительном (в период создания анализируемых памятников формально выраженная категория одушевленности отсутствовала, хотя семантическое различие имён, называющих «живые» и «неживые» предметы, несомненно, проявлялось в языковом сознании человека) атрибут также тяготеет к препозиции (71 %), что опровергает предположение исследователей о влиянии одушевленности существительного на постпозитивное положение атрибута [Worth 1985].

Конструкции с дистантным положением атрибута употребляются только в «словах» и поучениях Кирилла Туровского, а также в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона. В словосочетаниях, где разрывающий компонент представлен самостоятельной частью речи, к примеру, *добрая творити дѣла* (186, СлКТ), *духовная нам красота* (158, СлКТ), *достойную въздающе честь* (180, СлКТ), атрибут абсолютно препозитивен. А в словосочетаниях с разрывающим компонентом, выраженным служебной частью речи (*скораго ради покаяния* (180, СлКТ), *злааго ради житиа* (54, СлИл)), он располагается в препозиции в 67 % случаев.

Атрибут, выраженный **относительным прилагательным**, как и в случае с качественным адъективом, в большинстве случаев располагается перед определяемым словом (77 % препозиции): *идольскыимъ мракомъ* (СлИл, 26), *телесному въскресению* (СлКТ, 152), *псалтырное пѣние* (ПФП, 440). Местоименные и именные формы также демонстрирует нам преобладание препозиции: 65 % и 52 % соответственно. В количественном отношении членные формы относительных прилагательных превосходят нечленные в позиции перед (в 13 раз) и после (в 7 раз) определяемого слова. Спад кратких форм имен прилагательных в древнерусских текстах констатировали многие медиевисты, например, М. Н. Пельтина, отмечающая, что в «памятниках XI−XIII веков краткие прилагательные составляли около трети употреблений» [Пельтина 2010].

Традиционных устойчивых словосочетаний с относительным прилагательным почти в два раза меньше, чем с качественным (44 % и 24 % соответственно). Данные конструкции обозначают религиозные понятия и, в большинстве своем, употреблены с прилагательным *небесныи*: *небеснаго цесаря* (СлКТ, 186), *небеснаго царьства* (СлИл, 28), *Богъ небесныи* (СлСВ, 376).

Также на положение атрибута оказывает влияние и предлог: в 53 % от общего числа предложных словосочетаний атрибут располагается в препозиции: *по евангельскому слову* (СлИл, 38), *от бытийскых книг* (СлКТ, 146), *от небеснаго царьства* (ППЧ, 290).

Определяемое слово в атрибутивных конструкциях с относительным прилагательным в 98 % случаев выражено нарицательным именем существительным, которое представлено следующими лексико-грамматическими разрядами: конкретные существительные (68 % препозиции), абстрактные (57 % препозиции) и вещественные (67 % препозиции). Собственные имена существительные, представленные лексемами *Бог* и *Иерусалим*, в 75 % находятся в постпозиции.

Вещественные существительные выражены тремя семантическими группами: «название тела, организма, их частей» (*кровe* (СлИл, 36), «водные пространства, водоемы» (*вода* (СлИл, 32) и «горные породы, ископаемые» (*сребро* (СлКТ, 142). Среди абстрактных имен существительных распространенными семантическими группами являются «чувства, эмоциональные состояния, их проявления», к примеру, *честь* (СлКТ, 182); *безумье* (СлСВ, 380), *печаль* (СлСВ, 382) и «вера, религия»: *вѣрѣ* (ПФП, 448); *въскресению* (СлКТ, 152), *спасению* (СлКТ, 166). Наиболее употребительными семантическими группами среди конкретных имен существительных являются «предметы, связанные с богослужением, с культовыми обрядами» (*олтарь* (СлКТ, 168), *книгы* (СлСВ, 376) и «названия лиц в сфере религии, культов» (*цесаря* (СлКТ, 168), *владыко* (СлКТ, 198).

Среди лексико-семантических групп относительных прилагательных наиболее распространена группа «религия» (в препозиции – 95 %, в постпозиции – 92 %), например: *псалтырное пѣние* (ПФП, 440), *еретичьскымь учениемь* (СлКТ, 192), *от сказание евангельскаго* (СлКТ, 190). Также представлены группы «восприятие окружающего мира» (3 % − в препозиции, 7 % − в постпозиции), к примеру, с временными по значению атрибутами: *вечернѣй зарѣ* (СлИл, 38), *утреняа роса* (СлИл, 34), *годинъ павечерних* (ПФП, 440); «нации» (*Рускы земля*, (СлИл, 60); «военная служба» (*ратьная оружия* (СлКТ, 174) и «неживая природа» (*толща земная* (СлКТ, 182).

Одушевленность определяемого существительного не оказывает сколько-нибудь существенного влияния на позицию атрибута, выраженного относительным прилагательным: как при одушевленном, так и при неодушевленном существительном атрибут в большинстве случаев располагается перед определяемым словом (55 % и 65 % препозиции соответственно).

Конструкции с дистантным положением атрибута, с находящимся в 57 % случаев препозитивным относительным именем прилагательным, встретились в тексте «слов» и поучений Кирилла Туровского и в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона. Морфологическое выражение разрывающего компонента представлено предлогом *ради*,

глаголом и причастием, например: *человѣчскаго ради спасения* (184, СлКТ), *в небесное вводить царство* (СлКТ, 174), *телесныхъ визящю похотех* (СлКТ, 148).

Атрибут, выраженный **притяжательным прилагательным**, в 67 % случаев располагается в постпозиции, что подтверждает мнение ряда исследователей о тяготении притяжательного прилагательного к положению после определяемого слова: *от работы вражья* (СлКТ, 198), *закона Божия* (СлСВ, 382).

Привлекают внимание и традиционные устойчивые словосочетания, составляющие 81 % от общего числа конструкций с притяжательным прилагательным. Атрибут в таких словосочетаниях в 100 % случаев препозиции и 91 % случае постпозиции представлен лексемами *Божии, Христовъ, Господнь*: *Божией твари* (СлСВ, 382), *Христову учению* (СлКТ, 152), *мѣло Христово* (СлКТ, 164).

В предложных словосочетаниях атрибут также демонстрирует преобладание в постпозитивном положении (67 % постпозиции), ввиду чего мы заключаем, что предлог не оказывает своего влияния на притяжательное прилагательное.

Определяемое слово в словосочетаниях с препозитивным и постпозитивным положением атрибута в 62 % случаев представлено конкретным существительным, в 37 % − абстрактным и в 1 % − вещественным.

Вещественные имена существительные представлены одним примером: *матерьне млѣко* (СлИл, 34). Среди абстрактных имен существительных превалируют семантические группы «чувства, эмоциональные состояния, их проявления», к примеру, *страхомъ* (СлКТ, 202), *надмение* (СлКТ, 150) и «вера, религия», например: *человѣколюбиа* (ПФП, 434), *пророчьству* (СлИл, 32). Конкретные имена существительные представлены разными семантическими группами, но самой распространенной среди них оказалась «названия тела, организма, их частей» (*пърстомъ* (ПФП, 446), *рукою* (ПФП, 436), *мѣло* (СлКТ, 160).

При одушевленном существительном атрибут в 84 % случаев располагается после определяемого слова, что подтверждает предположение Д. Ворта о влиянии одушевленности существительного на постпозитивное положение притяжательного атрибута [Worth 1985].

Зафиксирована лишь одна конструкция с дистантным положением притяжательного прилагательного (*Божихъ насытившее словес* (СлКТ, 142).

Для атрибута, выраженного **притяжательным местоимением**, характерно положение после определяемого слова (73 % постпозиции): *за грѣхи наша* (СлСВ, 382), *сыномъ его* (СлИл, 28), что является одним из «маркеров» книжного языка [Минлос 2012]. При одушевленном существительном посессивный местоименный атрибут в 79 % случаев располагается в постпозиции, что подтверждает предположение Ф. Р. Минлоса о влиянии одушевленности на постпозицию местоименного атрибута [Минлос 2010]. Предлог на положение притяжательного

местоимения своего влияния не оказывает: в предложных конструкциях атрибут также находится в постпозиции (74 %), например: *на лице его* (СлКТ, 150), *въ сердца наша* (СлИл, 54).

Атрибут, выраженный **указательным местоимением**, в текстах древнерусского красноречия располагается преимущественно в препозиции (66 % препозитивных конструкций, например: *сего праведника* (170, СлКТ), *в тот день* (446, ПФП). На положение атрибута влияет предлог: в 63 % примеров предложные словосочетания препозитивны. Довольно интересной представляется зависимость положения указательного местоимения от одушевленности определяемого слова: при одушевленном существительном атрибут в 70 % случаев располагается после определяемого слова, тогда как при неодушевленном − в 77 % случаев он препозитивен.

Определительные местоимения в атрибутивных конструкциях в 96 % случаев занимают препозитивное положение: *всѣхъ святыхъ* (56, СлИл), *самого Господа* (452, ПФП). Все предложные конструкции с данным атрибутом препозитивны, что доказывает предположение Ф. Р. Минлоса о влиянии предлога на позицию атрибута [Минлос 2008]. Одушевленность определяемого слова на положение определительного местоимения не влияет: как при одушевленном, так и при неодушевленном существительном атрибут располагается перед определяемым словом (84 % и 97 % препозиции соответственно).

Как и в современном русском языке, в текстах древнерусских поучений наблюдается тяготение **порядкового числительного** к препозиции (83 %): *вторый день* (ПФП, 446), *перваго прѣступления* (СлКТ, 194). В 67 % репрезентаций числительное употребляется при существительном *день*, *неделя*, *час*.

Причастие также преимущественно располагается в препозиции (73 %): *рыдающеи Матери* (СлКТ, 162), *негасимыи огнь* (ППЧ, 288).

Конструкции с **субстантивным атрибутом** при имени собственном (*богоотець Давыд* (СлКТ, 178), *Дѣвицѣ Марии* (СлИл, 58) и др.) демонстрируют нам преобладание препозитивного положения атрибута (75 %). В словосочетаниях, где главное слово – имя нарицательное, обозначающее географическое понятие, атрибут в равной мере употребляется как в пре-, так и в постпозиции: *град Ерусалима* (380, СлСВ), *Константина града* (48, СлИл).

Во **втором разделе (2.2.) «Порядок слов в многокомпонентных словосочетаниях»** производится анализ препозитивных, постпозитивных и обмыкающих многочленных конструкций.

Препозитивные многочленные атрибутивные словосочетания составляют 58 % от общего числа многокомпонентных конструкций. Самым распространенным является словорасположение *местоимение* + *прилагательное* + *существительное*: *се природный источникъ* (СлКТ, 196), *ту горкыа воды* (ПФП, 436). В зависимости от грамматического разряда по частоте употребления местоимения распределяются следующим образом:

определительные − 49 %, притяжательные – 35 % и указательные – 16 %. Данная комбинация членов атрибутивного ряда, по наблюдениям Ф. Р. Минлоса, является «базовым словопорядком» в древнерусском языке [Минлос 2010]. В конструкциях с двумя прилагательными отдаленным от существительного атрибутом является качественное имя прилагательное.

Многочленные конструкции с постпозитивным атрибутом составляют 14 % от общего числа многокомпонентных словосочетаний. В 46 % случаев такие конструкции представлены сочетанием местоимения / прилагательного и субстантивного атрибута. Так же, как и в препозитивных атрибутивных комплексах, почти в 40 % случаев конструкция представлена формульным словосочетанием *о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемь*.

Самой распространенной среди **обмыкающих (рамочных) конструкций** оказалась комбинация *местоимение + существительное + местоимение* (31 % от общего числа рамочных конструкций), где в 100 % случаев препозитивный атрибут выражен определительным местоимением, а постпозитивный в 87 % − притяжательным местоимением: *всю землю нашу* (СлСВ, 378), *всѣхъ святыхъ твоихъ* (ПФП, 452).

В **третьем разделе (2.3.) «Экспрессивные функции атрибутивной локализации в «словах» и поучениях»** приводятся примеры того, что в создании экспрессии важную роль играет порядок слов, в частности расположение атрибута, выступающего в функции яркого, выразительного эпитета, относительно определяемого слова. Так, например, антитезой и хиастическим расположением эпитетов в тексте подчеркивается противостояние света и тепла истины, с одной стороны, и тьмы, холода неверия – с другой: «*Отиде бо свѣтъ луны, солнцю въсиавъшу, тако и законъ, благодѣти явльшися, и студеньство нощьное погыбе, солнечьнѣи теплотѣ землю съгрѣвши*» (СлИл, 30). Наблюдаются отличия в расположении антитетичных атрибутов, характеризующих и противополагающих «свое» и «чужое», православную и языческую веру: «*Тому же подобна и другая вина: жертву приносят бѣсомъ… бѣса, глаголемато Трясцю, прогонять нѣкыми писмены лживыми; проклятыхъ бѣсовъ елиньскыхъ, пишюще на яблоцѣхъ и покладають на святѣй трапезѣ в годъ святыя литургия. И тогда ужаснуться страхомъ ангельская воиньства*» (ППЧ, 287). Также важную роль локализация атрибутов выполняет в ритмообразовании отдельных высказываний и целого текста: в зачине наблюдаем повтор и параллелизм в расположении притяжательных местоимений, хиастическое расположение определительных местоимений, повтор препозитивных атрибутов, сменяющийся в конце фразы постпозицией в однородных рядах – все это создает особенно торжественный ритмо-мелодический рисунок: «*Аще бо умолчю вашего ради роптаниа, угождаа вамъ вашеа ради слабости, то камение възъпиеть. Не азъ бо то глаголю, но они свѣтила вселеныа всея, истиннии стлъпи, правыя вѣры всадители, наставници всему доброму благонравию, вожди истиннии и свѣтила негасущая*» (ПФП, 434).

В **четвертом разделе (2.4.)** приводятся следующие выводы о расположение атрибутивных словосочетаний в текстах древнерусского красноречия XI−XIII вв.:

1. Как в двучленных, так и в многочленных атрибутивных конструкциях преобладает препозитивное положение атрибута, тем самым мы подтверждаем мнение медиевистов о том, что обычным местом для согласованного определения в древнерусском языке было положение перед определяемым словом (55 % препозитивных двучленных словосочетаний, 58 % препозитивных многочленных). Однако в «Словах и поучениях Серапиона Владимирского» и в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона наблюдаем, хотя и небольшое, превалирование постпозитивных конструкций (56 % и 51 % постпозиции соответственно), что, возможно, обусловлено большей ориентацией «слова» на торжественный слог церковно-книжной традиции, чем собственно поучения.
2. Самым распространенным средством морфологического выражения атрибута в двухкомпонентных словосочетаниях является членное имя прилагательное. Относительные прилагательные в именных и местоименных формах тяготеют к препозиции (53 % и 65 % соответственно), так же, как и местоименные формы качественных адъективов (80 %), тогда как именные формы качественных прилагательных, наоборот, преобладают после определяемого слова (56 % постпозиции). В постпозиции превалируют и притяжательные прилагательные (67 %).
3. Гипотеза Д. Ворта о влиянии предлога на препозитивное положение прилагательного подтвердилась только на примере качественных (67 % препозиции) и относительных (53 %) прилагательных, притяжательные прилагательные данной зависимости не показали (33 % препозиции) [Worth 1985]. Также влияние предлога на препозицию атрибута было обнаружено на примере определительных (100 % препозиции) и указательных (63 % препозиции) местоимений.
4. Указательные (66 %: 34 %) и определительные (94 %: 6 %) местоимения тяготеют к препозитивному положению, тогда как притяжательные (27 %: 73 %) предпочитают позицию после определяемого слова.
5. При одушевленном существительном атрибут занимает постпозитивное положение, если он выражен притяжательным прилагательным (84 % постпозиции) и притяжательным местоимением (79 % постпозиции). Обращают на себя внимание полученные данные относительно употребления указательных местоимений: если при неодушевленном существительном данный атрибут тяготеет к препозиции (77 %), то при одушевленном субстантиве его позиция меняется на обратную: 70 % постпозиции.
6. В аппозитивных конструкциях при собственном имени существительном приложение находится в препозиции, при нарицательном имени существительном приложение постпозитивно.

7. Конструкции с дистантным положением компонентов встречаются только с атрибутом, выраженным именем прилагательным. В 77 % случаев атрибут находится в препозитивном положении, таким образом, преобладающее препозитивное положение, как в контактных конструкциях, сохраняется. Наиболее распространенными разрывающими компонентами, выраженными самостоятельной частью речи, в двучленных атрибутивных словосочетаниях являются глагол (6 случаев, 35 %) и причастие (4 случая, 24 %). Из служебных частей речи в качестве разрывающего компонента представлен предлог *ради* (5 примеров, 29 %).
8. Определяемое слово в двучленных атрибутивных словосочетаниях с атрибутом, выраженным именем прилагательным, в 94 % случаев представлено нарицательным существительным (71 % − конкретное имя существительное, 28 % − абстрактное, 1 % − вещественное). Самыми распространенными семантическими группами среди конкретных существительных являются «названия лиц в сфере богослужения» и «предметы, связанные с богослужением», а среди абстрактных существительных − «вера, религия», «чувства, эмоциональные состояния», что объясняется содержанием и жанром текста.
9. Желание автора произведения приблизить текст к каноническим образцам обусловливает преобладание во всех разрядах имен прилагательных лексико-семантической группы «религия» (от 80 % до 95 % всех прилагательных).
10. Особого внимания заслуживают традиционные устойчивые словосочетания, широко распространенные в текстах древнерусского красноречия. Самыми употребительными прилагательными в подобных конструкциях стали лексемы *святыи*, *небесныи*, *Божии*, *Христовъ* и *Господнь*, исходя из употребления которых, мы делаем вывод о том, что в тексах поучений особое место занимает сакральный компонент.
11. Среди препозитивных многокомпонентных словосочетаний в 43 % употребляется словорасположение *местоимение* + *прилагательное* + *существительное.* По частоте употребления местоимения распределяются следующим образом: определительные – 49 %, указательные – 35 %, притяжательные – 16 %. В конструкциях с двумя прилагательными в препозиции в 94 % случаев находится качественное имя прилагательное.
12. В постпозитивных многочленных конструкциях частотной (46 % употреблений) является комбинация с приложением, обозначающим родственные отношения или должность. В обмыкающих (рамочных) конструкциях распространенной компонентов является комбинация *местоимение* + *существительное* + *местоимение* (31 %).
13. Расположение атрибутов широко используется в текстах древнерусского красноречия как средство усиления выразительности речи. Наиболее употребительны повторы эпитетов, дающих яркую характеристику образа, антитезное расположение определений, с

помощью которых автор противопоставляет «свой» и «чужой» мир, праведное и греховное, божественное и земное. Расположение атрибутов играет важную роль не только в создании экспрессивности и текстовых категорий эмотивности и оценочности, но и в его ритмообразовании (использование однородных рядов, параллелизма, хиастического расположения определений).

В **третьей главе «Структура и расположение компонентов атрибутивного словосочетания в древнерусских посланиях XI–XIII вв.»**, состоящей из четырех разделов, описывается структура и расположение компонентов атрибутивных словосочетаний в следующих текстах эпистолярного жанра: «Послание Климента Смолятича», «Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу», «Послание Даниила Юрьевского» и послания Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу.

Всего из указанных текстов было извлечено и проанализировано 432 атрибутивные конструкции: 380 (87 %) двучленных субстантивно-атрибутивных словосочетаний и 52 (13 %) трехчленных.

В **первом разделе (3.1.) «Порядок слов в двухкомпонентных атрибутивных словосочетаниях»** приводится анализ словорасположения в двучленных атрибутивных словосочетаниях. Так же, как и в разделе 2.1., описание конструкций производится по частеречной принадлежности атрибута (выделяются сочетания прилагательного, местоимения, порядкового числительного, причастия и приложения с определяемым словом).

Для словосочетаний с атрибутом, выраженным **качественным именем прилагательным** характерно положение перед определяемым словом (85 %). Превалирование данного положения атрибута мы замечаем и при раздельном анализе кратких и полных форм (86 % и 69 % препозитивных форм соответственно): *живымъ тѣломъ* (ПослФП, 173), *честныхъ мужь* (ПослДан, 386), *въ глубоку старость* (ПослКС, 138), *груба ума* (ПослЯк, 394). Тяготение нечленных атрибутивных форм к постпозиции утверждается уже позднее, в ходе длительного исторического процесса языковой эволюции, в связи с закреплением кратких прилагательных в функции именной части сказуемого (в рассматриваемый период нечленные формы еще частотны в роли не предикативной, а определительной).

Кроме одного примера (*Чьрьмное море* (ПослФП,168), все полученные традиционные устойчивые словосочетания в качестве атрибута имеют прилагательное с сакральным значением, к примеру, *Святая Троица* (ПослЯк, 394), *Божествьное Писание* (ПослКС, 130). Примечательно, что в подобных словосочетаниях употребляются прилагательные исключительно в местоименной форме, преобладающие в препозитивном положении (78 %).

На положение атрибута свое влияние оказывает и предлог, который перетягивает прилагательное в препозитивное положение (89 % предложных препозитивных конструкций): *въ безаконныа сласти* (ПослКС, 126), *с малыми болѣзньми* (ПослЯк, 388).

Определяемое слово в атрибутивных словосочетаниях как с препозитивным, так и постпозитивным положением атрибута преимущественно выражено нарицательным именем существительным (87 % в препозиции, 91 % в постпозиции). Проанализировав определяемые существительные с точки зрения их принадлежности к лексико-грамматическим разрядам, приходим к следующим выводам: в 92 % случаев определяемое слово выражено конкретным именем существительным, а в 8 % − абстрактным.

Большинство конкретных прилагательных представлено семантическими группами «предметы, связанные с богослужением, с культовыми обрядами» (*Божествѣное Писание* (ПослКС, 130), *святое Евангелие* (ПослКС, 126) и «наименования лиц по личным, общественным связям» (*законьною женою* (ПослФП, 171), *честнаго прадѣда* (ПослДан, 56). Абстрактные имена существительные представлены семантической группой «чувства, эмоциональные состояния, их проявления»: *вѣрною добротою* (ПослКС, 122).

Одушевленность определяемого существительного на постпозитивное положение атрибута, выраженного качественным прилагательным, не влияет.

Самой распространенной лексико-семантической группой качественных прилагательных оказалась, как и в текстах поучений, группа «религия» (69 % в препозиции, 76 % − в постпозиции): *благымъ Духомъ* (ПослКС, 136), *Святая Троица* (ПослЯк, 394), *боголюбивый княже* (ПослФП, 168).

Для контактных субстантивно-атрибутивных словосочетаний с атрибутом, выраженным **относительным именем прилагательным**, характерна препозиция (92 %): *ко церковнымъ святителемъ* (ПослКС, 136), *господьскый празникъ* (ПослФП, 169), *девичьску тайну* (ПослКС, 140), при этом отмечается препозиция членной формы в 91 % случаев и абсолютная препозиция именной формы. В посланиях отмечается преобладание кратких постпозитивных качественных прилагательных (47 %), однако их относительная доля меньше, чем в текстах поучений (56%). Таким образом, отмечается большее влияние церковно-книжного языка на тексты поучений, нежели на тексты посланий.

Устойчивые словосочетания с относительным прилагательным, довольно широко представленные в конструкциях с качественным адъективом, практически не употребляются в текстах эпистолярного жанра (нами была обнаружена одна конструкция – *царство небесное* (ПослЯк, 394). Снижение употребления литературных формул с относительным прилагательным можно аргументировать, по нашему мнению, меньшей образностью языка жанра посланий (в сравнении с жанром красноречия).

В 89 % случаев в предложных конструкциях относительное прилагательное располагается в препозиции, ввиду чего мы делаем вывод о влиянии предлога на препозитивное положение атрибута.

Определяемое слово выражено нарицательным именем существительным в 97 % случаев

в препозитивных атрибутивных конструкциях и в 100 % в постпозитивных словосочетаниях. Проведя анализ лексико-семантического выражения определяемого слова, мы находим, что всего в 9 % случаев оно выражено абстрактным именем существительным (*церковьному почитанию* (ПослКС, 138); *чресленыа сласти* (ПослКС, 130); в остальных же случаях (91 %) – конкретным. Наиболее распространенными семантическими группами конкретных имен существительных являются: «предметы, связанные с богослужением, с культовыми обрядами» (*книгъ* (ПослКС, 120), *на скрижалѣхъ* (ПослКС, 126), «название лиц» и «название животных» (*звѣремъ* (ПослКС, 140), *птица* (ПослКС, 138), *людие* (ПослКС, 122).

Одушевленность определяемого слова не влияет на положение атрибута ввиду преобладания во всех позициях препозитивного положения атрибута.

Среди относительных имен прилагательных, выступающих в роли атрибута, широкое распространение получила лексико-семантическая группа «религия» (*боготканныа одежда*, ПослКС, 132), *господьскый праздникъ* (ПослФП, 169), *царство небесное* (ПослЯк, 394). Важно отметить, что в препозиции на долю данной семантической группы приходится 86 % прилагательных, а в постпозиции – 100 %.

Как и в случае с качественными прилагательными, отмечена только одна конструкция с дистантным положением: *дѣвичьскую показа таину* (ПослКС, 140), поэтому делать выводы об особенностях употребления данного типа словосочетаний не представляется возможным.

Атрибут, выраженный **притяжательным прилагательным**, в 65 % случаев находится в постпозиции. Как и в памятниках древнерусского красноречия, самым распространенным притяжательным прилагательным, употребляемым в традиционных устойчивых словосочетаниях, является лексема *Божии*, в 83 % случаев находящаяся в постпозиции: *образъ Божии* (ПослДан, 56), *страхомъ Божиимъ* (ПослЯк, 388).

Атрибут в предложных словосочетаниях в 67 % случаев располагается в постпозиции, что доказывает отсутствие влияния предлога на позицию посессивного прилагательного.

В конструкциях с притяжательным прилагательным употребляются только нарицательные имена существительные. В препозиции определяемое слово в 75 % случаев выражено конкретным именем существительным и в 25 % − абстрактным, а в постпозитивном положении – в 86 % случаев представлено конкретным существительным и в 14 % − абстрактным. Среди конкретных имен существительных широко представлена семантическая группа «названия тела, организма, их частей»: *от колѣна* (ПослКС, 126), *в руцѣ* (ПослКС, 130), *пърстомъ* (ПослФП, 446), а также «названия лиц по личным и общественным положениям» (*сынъ* (ПослДан, 56), «названия лиц по положению личного господства или зависимости» (*рабъ* (ПослДан, 56), *къ слузѣ* (ПослЯк, 386), *от пленница* (ПослКС, 126). Абстрактные имена существительные представлены семантическими группами «вера, религия» (*за вѣру* (ПослФП, 450) и «чувства, эмоциональные состояния» (*страхомъ* (ПослЯк, 388).

При одушевленном существительном атрибут в 78 % случаев располагается в постпозиции, что подтверждает предположение Д. Ворта о влиянии одушевленности существительного на постпозитивное положение атрибута [Worth 1985].

В результате распределения притяжательных прилагательных по лексико-семантическим группам получаем следующие данные: в 100 % препозиции в 89 % постпозиции представлена группа «религия», например: *Божий свѣтъ* (ПослЯк, 392), *Спасово слово* (ПослДан, 56), *в руцѣ Господни* (ПослКС, 130), *по научению сотонину* (ПослФП, 173). В 11 % случаев постпозитивный атрибут представлен семантической группой «живая природа»: *чрево же китово* (ПослКС, 136).

Конструкций с дистантным положением атрибута, выраженного притяжательным прилагательным, обнаружено не было.

Для **притяжательных местоимений** характерна постпозиция атрибута (63 % постпозиции): *жену его* (ПослКС, 126), *учитель их* (ПослЯк, 388), *Господь нашь* (ПослКС, 128). Этот же факт подтвердился и на примере текстов жанра поучения, однако в последних постпозитивных притяжательных местоимений оказалось несколько больше – 73 %, что свидетельствует о более высоком регистре данных памятников, нежели посланий.

При одушевленном существительном также наблюдается постпозитивное положение атрибута (82 % постпозиции), что подтверждает влияние одушевленности на положение местоименного атрибута данного разряда [Минлос 2010].

В предложных конструкциях местоименный посессивный атрибут не изменяет своего «привычного» расположения, занимая в 74 % репрезентаций положение после определяемого слова.

Атрибут, выраженный **указательным местоимением**, тяготеет к препозитивному положению (74 % препозиции), например: *сего брата* (Посл КС, 126), *въ тѣхъ днѣхъ* (ПослФП, 168). При одушевленных существительных указательные местоимения располагаются преимущественно после определяемого слова (67 %), тогда как при неодушевленных предпочитают препозицию (81 %).

В предложных конструкциях атрибут в 75 % случаев располагается в препозиции, на основании чего мы делаем вывод о влиянии предлога на препозитивное положение атрибута. Примечательно, что в предложных словосочетаниях определяемое слово – исключительно неодушевленное имя существительное.

В текстах древнерусских посланий **определительное местоимение** в 100 % случаев находится в препозиции, в том числе и в предложных конструкциях, что доказывает корреляцию между наличием предлога и препозитивным положением атрибута. Самым распространенным является местоимение *вьсь*, например: *вси ангели* (ПослЯк, 386), *по вся дни* (ПослКС, 118).

Так же, как и текстах древнерусского красноречия, **порядковые числительные** в памятниках эпистолярного жанра в 100 % случаев препозитивны. Преимущественно они обозначают протекание времени: *на пятое лѣто* (ПослКС, 130), *вторый день* (ПослФП, 168).

В семи атрибутивных конструкциях определение было представлено одиночным **причастием**. В 86 % подобный атрибут располагается перед определяемым словом. В двух случаях атрибут представлен краткой формой причастия (*всемогуща сила* (ПослКС, 140), *вина нерастворена* (ПослКС, 130).

В словосочетаниях с аппозитивной связью **атрибут, выраженный именем существительным,** употребляется только при имени собственном и обозначает титул и должность определяемого лица: *архиерѣю Пилату* (ПослЯк, 388), *пред княземъ Изяславомъ* (ПослКС, 118). В 69 % случаев данный атрибут занимает препозитивное положение.

Во **втором разделе (3.2.) «Порядок слов в многокомпонентных словосочетаниях»** производится анализ многокомпонентных конструкций в текстах древнерусских посланий.

Так же, как и для двучленных конструкций, для многочленных словосочетаний характерна препозиция атрибута (65 %). Самым распространенным из **препозитивных многокомпонентных сочетаний** оказалось сочетание *прилагательное + местоимение + существительное* (44 % от числа всех препозитивных конструкций), где в 100 % случаев употребляется качественное имя прилагательное, местоимение же в 67 % является указательным и в 13 % − притяжательным, к примеру, *велицей своей мудрости* (ПослКС, 136), *святаго ти отца* (ПослДан, 56).

Постпозитивные многочленные словосочетания составляют 14 % от общего числа многокомпонентных конструкций. Самым распространенным (57 %) явилось сочетание субстантивного атрибута, местоимения и существительного, представленное устойчивым словосочетанием *Христос Бог наш*, например: *Христу Богу нашему* (ПослКС, 128), *Христа Бога нашего* (ПослФП, 168).

Рамочные конструкции в текстах эпистолярного жанра составляют 22 % от общего числа трехчленных словосочетаний. Наиболее частотным (45 %) оказалось обмыкание определяемого существительного качественным прилагательным и притяжательным местоимением, например: *святого дѣда твоего* (Посл Дан, 56), *истинный Христос нашь* (ПослКС, 128).

В **разделе 3.3. «Экспрессивные функции атрибутивной локализации в древнерусских посланиях»** приводятся примеры использования порядка компонентов атрибутивного ряда в создании выразительности языка. Например, в начале повествования, при обращении к лицу (в случае использования звательного падежа) атрибут чаще располагается в постпозиции: «*княже мой*» (ПослФП, 169), «*Слово ми есть к тобѣ, княже боголюбивый*»

(ПослФП, 170), что подчеркивает апеллятивный характер конструкции и вторичность оценочной функции обращения.

Так же, как и в текстах древнерусского поучения, в посланиях наблюдаем антитетическое расположение атрибутов, обозначающих «свое» и «чужое»: препозиция прилагательного или местоимения относит определяемое понятие к «своему», правоверному, а постпозиция – к «чужому, «латинскому» миру. Например: «*Азъ, Федосъ худый, раб пресвятыя Тройца, Отца и Сына и Святаго Духа, в чистѣи и правѣрнѣи вѣре роженъ и воспитан в добрѣ и наказанья правовѣрнымъ отцем и матерью, наказываюче мя добру закону:— вере же латыньстѣй не прелучаіте на обычая ихъ держати, и комканья ихъ бѣгати, и всякаго ученья ихъ бѣгати, норова ихъ гнушатися, и блюсти своихъ дочереи: не давати за нихъ…*» (ПослФП, 170).

Экспрессивность посланий создается путем использования автором повтора эпитетов, синтаксического параллелизма: «*А сущему въ иной вѣрѣ — ли въ латыньской, ли въ арменьской, ли въ срачиньской — нѣсть видѣти жизни вѣчныя… зане мертвымъ тѣлом служите, мертва Господа призывающа. А мы служимъ живым тѣлом самого Господа жива видящи одесну Отца сидяща... Вы же есте мергвии, мертву жертву здѣваете, мы живу Богу живу жертву приносим,— чисту, непорочну и животъ вѣчный обрѣсти*» (ПослФП, 171-173), а также использования двойных (составных) эпитетов, например: *душетлѣнный вредъ* (ПослЯк, 388), *седмореченый годъ* (ПослКС, 136), *тридневное разорение* (ПослКС, 136), *боготканныа одежда* (ПослКС, 120).

В **разделе 3.4.** приводятся следующие выводы о расположение атрибутивных словосочетаний в текстах древнерусских посланий XI−XIII вв.:

1. Для двучленных (68 %) и трехчленных (65 %) субстантивно-атрибутивных конструкций характерно препозитивное положение атрибута, таким образом, эти данные подтверждают мнение медиевистов о «типичности» данного словорасположения в древнерусском языке.

2. В двучленных атрибутивных конструкциях наблюдается подчинение в расположении компонентов словосочетания морфологическому принципу: качественные (85 % препозиции) и относительные (92 % препозиции) прилагательные, определительные (100 % препозиции) и указательные местоимения (82 % препозиции), порядковые числительные (100 % препозиции) и причастия (85 % препозиции) тяготеют к препозитивному положению (или абсолютно препозитивны), тогда как притяжательные прилагательные (65 % постпозиции) и притяжательные местоимения (67 % постпозиции), наоборот, чаще располагаются после определяемого слова.

3. Местоименная форма качественного и относительного прилагательного отчетливо превалирует в препозиции (86 % и 91 % полных препозитивных форм соответственно),

именная форма стремится к препозиции у качественных и располагается исключительно постпозитивно у относительных адъективов (69 % и 0 % кратких препозитивных форм соответственно).

4. Гипотеза Д. Ворта о влиянии предлога на препозитивное положение прилагательного подтвердилась на примере качественных и относительных прилагательных (по 89 % препозиции), притяжательные же прилагательные данной зависимости не демонстрируют (67 % постпозиции) [Worth 1985].

5. Влияние одушевленности определяемого существительного на постпозитивное положение местоименного атрибута сказывается, прежде всего, на расположении притяжательных (81 % постпозиции) и указательных (67 % постпозиции) местоимений. При одушевленном существительном указательные атрибуты демонстрируют нам преобладание постпозитивного положения (67 % − в посланиях, 70 % − в поучениях), тогда как при неодушевленном существительном отмечается 81 % препозиции в посланиях, 77 % препозиции в поучениях.

6. В состав традиционных устойчивых словосочетаний, обозначающих религиозные понятия, в текстах древнерусских посланий входят только качественные и притяжательные прилагательные (с относительным прилагательным была выявлена только одна конструкция *царство небесное* (ПослЯк, 394). Самыми распространенными лексемами в этих конструкциях оказались атрибуты *святыи* и *Божии*.

7. Определяемое слово в конструкциях с атрибутом, выраженным именем прилагательным, в 91 % случаев является нарицательным именем существительным, представленным наиболее распространенными семантическими группами «названия лиц», «предметы, связанные с богослужением и культом», «названия частей тела». Самая употребительная семантическая группа среди абстрактных имен существительных − «чувства, эмоциональные состояния». Таким образом, в сравнении с текстами поучений, наблюдается снижение использования семантических групп существительных, связанных с религией.

8. Среди лексико-семантических групп прилагательных, наоборот, наблюдается превалирование группы «религия» как в препозитивном, так и в постпозитивном положении (от 69 % до 100 %), что объясняется широким использованием образов из Священного Писания.

9. В аппозитивных конструкциях атрибут в 69 % занимает препозитивное положение. В 85 % приложение выражено нарицательным именем существительным, обозначающим титул, должность или род занятий определяемого лица.

10. Словосочетания с дистантным положением компонентов не нашли своего распространения в текстах древнерусских посланий. Нами была обнаружена всего одна

конструкция с относительным прилагательным, ввиду чего делать выводы о расположении компонентов в данных конструкциях нам не представляется возможным. Почти полное отсутствие данного типа конструкций можно аргументировать, вероятно, желанием автора сделать свое послание доступным (простым) для адресата.

11. Из препозитивных многочленных конструкций самым распространенным оказалось сочетание *прилагательное + местоимение + существительное* (44 %), где в 100 % случаев употреблено качественное имя прилагательное, местоимение же в 67 % является указательным и в 13 % − притяжательным.

12. Наиболее распространенная постпозитивная многочленная конструкция представлена устойчивым словосочетанием *Христос Бог наш*. А самым частотным из обмыкающих конструкций оказалось сочетание определяемого существительного, качественного прилагательного и притяжательного местоимения (45 %).

13. Желая придать экспрессивность своей речи, создатели посланий прибегали к использованию многих стилистических средств. Например, противопоставляя «свое» и «чужое», небесное и низменное авторы использовали не только контекстуально антонимичные пары эпитетов, но и чередование препозитивного и постпозитивного положения атрибута, также применяли хиастическое расположение прилагательных. Особую выразительность тексту прибавляют двойные эпитеты, а также их повторы, предложения и словосочетания с одинаковой структурой построения (синтаксический параллелизм).

В **заключении** подводятся итоги работы. Главным результатом исследования стало установление того факта, что в начальный период развития русского языка определяется тенденция к преобладанию препозитивного положения атрибута (в текстах поучений – 55 % препозиции, в текстах посланий – 68 %). В эпистолярных памятниках данная тенденция находит большее распространение, так как торжественное красноречие, очевидно, гораздо сильнее подвергалось влиянию библейского синтаксиса, для которого характерна постпозиция атрибута. Это подчеркивает достаточно тесную связь расположения атрибута с жанрово-стилистическим характером памятника, выявленную в ходе проведенного исследования, и доказывает выдвинутую нами гипотезу исследования. Было выявлено, что не только частеречная принадлежность атрибута, но и наличие предлога и одушевленность определяемого им слова оказывают влияние на словорасположение внутри атрибутивной конструкции. Устойчивые словосочетания также испытывают воздействие вышеуказанных факторов, однако словорасположение внутри данных конструкций зависит, скорее, от лексико-семантического выражения их компонентов: в древнерусских текстах посланий и поучений можно увидеть влияние религиозной лексики на порядок атрибутивного ряда (прилагательные-библеизмы отчетливо тяготеют к постпозиции). Расположение местоименного и адъективного

атрибутов используется в текстах поучений и посланий как средство усиления выразительности речи. Наиболее употребительны повторы эпитетов, дающих яркую характеристику образу, антитезное расположение определений, с помощью которых автор противопоставляет «свой» и «чужой» мир, праведное и греховное, божественное и земное. Расположение атрибутов играет важную роль не только в создании таких свойств текста, как экспрессивность, эмоциональность, оценочность, но и в ритмообразовании (использование повторов, параллелизма, хиастического, антитетического расположения определений).

Жанровая дифференциация текстов в словорасположении компонентов атрибутивного словосочетания проявляется в следующих случаях: преобладание в текстах поучений постпозитивного атрибута, выраженного притяжательным местоимением (73 % постпозиции в поучениях, 67 % − в посланиях); превалирование в поучениях кратких форм качественного и относительного прилагательных в обеих позициях (56 % и 47 % постпозитивных кратких форм в поучениях, 31 % и 0 % − в посланиях); большее распространение в памятниках древнерусского красноречия лексико-семантической группы существительных со значением «религия»; широкое употребление в поучениях устойчивых словосочетаний с относительным прилагательным, а также использование атрибутивных конструкций с дистантным расположением компонентов. Все вышеуказанные случаи хотя и не влияют на общую тенденцию преобладания препозитивного положения атрибута в памятниках древнерусского красноречия и эпистолярного жанра, однако демонстрируют некоторые отличия в расположении атрибутивного ряда, связанного с более высоким регистром поучений, их принадлежностью к текстам «церковно-книжной стилистической разновидности» [Мещерский 1981].

Таким образом, проведя анализ атрибутивных конструкций в древнерусских текстах XI–XIII вв., заключаем, что уже в начальный период развития русского языка определятся тенденция к преобладанию препозитивного положения атрибута как свидетельство формирования доминирующего в перспективе эволюции русского грамматического строя прямого регрессивного (определение предшествует определяемому), контактного, с сохранением относительной свободы перемещения компонентов под влиянием коммуникативно-стилистических факторов, порядка расположения в группе «согласованный атрибут – определяемое понятие». Правостороннее закрепление атрибута постепенно начинает приобретать иную синтаксическую специализацию в связи с развитием категории обособления (полупредикативности) причастных и именных оборотов.

Исследование расположения компонентов атрибутивных словосочетаний представляется перспективным как на экстенсивном пути (расширение вводимых в круг описываемых источников разножанровых памятников русской словесности раннего и более поздних периодов), так и на интенсивном – в аспекте анализа пока мало изученного влияния

коммуникативно-прагматического или акцентологического факторов на древне- и старорусский словопорядок, а также в направлении поиска возможной взаимосвязи между расположением атрибута и типом предиката-сказуемого.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в изданиях, рекомендованных Перечнем ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации

1. Казаковцева, О. С. Позиция атрибута в оригинальных и переводных житийных текстах XI−XIII веков / О. С. Казаковцева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки и археология. – №10 (123). − Волгоград: Перемена, 2017. − С. 62−68.
2. Казаковцева, О. С. Анализ компонентов субстантивно-атрибутивных словосочетаний в «Слове о полку Игореве» и его поэтических переложениях XIX века / О. С. Казаковцева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки и археология. − №2 (125). − Волгоград: Перемена, 2018. − С. 101−107.
3. Казаковцева, О. С. Позиция местоименного атрибута в текстах эпистолярного жанра / О. С. Казаковцева // Вестник Череповецкого государственного университета. − 2019. − №2 (89). − С. 147−154.
4. Казаковцева, О. С. Расположение компонентов атрибутивных конструкций в древнерусских памятниках XI−XIII веков / О. С. Казаковцева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. − 2019. − № 5 (182). − С. 88−93.

Статьи, опубликованные в других изданиях

5. Казаковцева, О. С. Компьютерные методы в анализе атрибутивных словосочетаний древнерусских текстов / О. С. Казаковцева, А. Г. Варфоломеев // Естественнонаучные методы в цифровой гуманитарной среде: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Пермь, 15-18 мая 2018 г.). − Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2018. − С. 91−93.
6. Казаковцева, О. С. Позиция атрибута и одушевленность существительного в текстах древнерусского красноречия XI−XIII веков / О. С. Казаковцева // Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых ученых: материалы 70-й

Всероссийской (с международным участием) научной конференции обучающихся и молодых ученых. − Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. – С. 405−407.

7. Казаковцева, О. С. Расположение определений в текстах древнерусского красноречия XI−XIII веков / О. С. Казаковцева // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ−2018» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов [Электронный ресурс]. − М.: МАКС Пресс, 2018. − file:///D:/data/section_35_12868.htm
8. Казаковцева, О. С. Атрибутивные словосочетания в оригинальных и переводных житийных текстах XI−XIII вв. / О. С. Казаковцева // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ−2017» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов [Электронный ресурс]. − М.: МАКС Пресс, 2017. − https://lomonosov msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/section_32_10601.htm
9. Казаковцева, О. С. Порядок компонентов субстантивно-атрибутивных словосочетаний в житиях XI–XII вв. / О. С. Казаковцева // Молодые исследователи – регионам: материалы Международной научной конференции (Вологда, 20–21 апреля 2016 г.): в 3 т. / Отв. ред. А. А. Синицын. – Вологда: ВоГУ, 2016. – Т. 2. – С. 554−556.
10. Казаковцева (Данилова), О. С. Двучленные субстантивно-атрибутивные словосочетания в житиях XI−XII вв. / О. С. Данилова // Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых ученых: материалы 67-й Всероссийской (с международным участием) научной конференции обучающихся и молодых ученых.– Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015. − С. 118−121.